УДК 94(470:94)

А. Я. Массов

РОССИЙСКИЙ ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОНСУЛ В МЕЛЬБУРНЕ М.М. ГЕДЕНШТРОМ ОБ ИЗМЕНЕНИИ ОТНОШЕНИЯ АВСТРАЛИИ К РОССИИ И ВОЗМОЖНОМ РАЗВИТИИ РУССКО-АВСТРАЛИЙСКИХ СВЯЗЕЙ

МАССОВ Александр Яковлевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и культурологи.
Санкт-Петербургский государственный морской технический университет.
Профессор магистерской программы «Исследования Тихоокеанского региона» СПбГУ.
190008, ул. Лоцманская, 3, Санкт-Петербург, Россия.
E-mail amassov@gmail.com.

В статье анализируются донесения российского генерального консула в Мельбурне в 1908–1910 гг. М.М. Геденштрома, содержащие оценку внешнеполитической ситуации, в которой оказался Австралийский Союз после Русско-японской войны. Новые геополитические реалии в бассейне Тихого океана создают, по мнению М.М. Геденштрома, предпосылки для преодоления характерного для всей второй половины XIX в. негативного отношения Австралии и австралийцев к России. Отмечается, что консул сумел не только увидеть начавшуюся эволюцию взаимоотношений России в Австралии, но и правильно предсказал вектор дальнейшего развития связей двух стран.

РОССИЙСКО-АВСТРАЛИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ; М.М. ГЕДЕНШТРОМ; А. ДИКИН; МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В БАССЕЙНЕ ТИХОГО ОКЕАНА.

На протяжении всей второй половины XIX в. в австралийских переселенческих колониях Великобритании господствовало подозрительное, а временами и откровенно враждебное отношение к России. Антирусские настроения в Австралии были, по сути дела, неизбежны в условиях крайне острого соперничества России и Англии на международной арене. В Австралии было широко распространено

убеждение о неизбежности рейдов русского флота к австралийским берегам и обстрела крупнейших портовых городов в случае начала англо-русской войны (подробнее см [1]). Об этом говорили и писали английские и австралийские военные специалисты, политические деятели, публицисты. Так, например, Дж.К. Крейг, один из наиболее убежденных австралийских алармистов, не только считал неизбежным и само собой разумеющимся нападение русского флота на австралийские города в случае начала англо-русской войны, но и совершенно безосновательно утверждал, что русские уже несколько раз пытались осуществить такое вторжение [2, p. 8]. Более того, со ссылкой на некие известные ему русские планы, Дж.К. Крейг указывал, что целью России в южной части Тихого океана является колониальный захват Новой Зеландии и района вокруг города Кулгарди в Западной Австралии, где были найдены исключительно богатые месторождения золота [2, p. 55, 56]. В начале XX в. «русская угроза» все еще представлялись австралийцам достаточно серьезной. В 1903 г. премьер-министр Австралийского Союза Э. Бартон, выступая в федеральном парламенте, обозначил Россию как одного из наиболее опасных врагов Австралии (отметив, впрочем, наряду с русской угрозой наличие угрозы со стороны Германии, Франции и США) [3, p. 133].

В России, разумеется, знали о крайне негативном отношении австралийцев к России и русским. Информацию об этом пересылали в российское министерство иностранных дел русские консулы в Мельбурне[1]. Уже первый российский штатный консул в этом городе А.Д. Путята в январе 1894 г. в самом первом своем донесении из Мельбурна сообщал, что «с первых же дней моего пребывания здесь я имел случай заметить, что в местном обществе держится ... опасение, что Россия в будущую войну, в близость которой все здесь ... твердо верят, непременно изберет Австралию одним из пунктов своего нападения» [4, с. 74].

Интерес российского внешнеполитического ведомства к вопросу об отношении к России в Австралии не был предметом праздного любопытства. В Петербурге понимали, что Австралийский Союз – новый британский доминион, созданный в 1901 г., представляет собой

[1] Первые нештатные вице-консульства России в Мельбурне и Сиднее были учреждены в 1857 г. С 1894 г. нештатное консульство в Мельбурне было преобразовано в штатное. В 1902 г. статус русского представителя в Мельбурне был повышен до генерального консула.

государственное образование, хотя и остающееся частью Британской империи, однако имеющее уже четко очерченные собственные внешнеполитические ориентиры и колониальные притязания в юго-западной части Тихого океана. Вскоре после своего образования австралийцы приступили к строительству собственных вооруженных сил. Наращивание военной мощи Австралийского Союза, а, стало быть, и Британской империи в целом, могло изменить баланс сил великих держав в бассейне Тихого океана.

После поражения России в Русско-японской войне вопрос о позиции Австралийского Союза по отношению к царской империи приобрел новое измерение. С одной стороны, русское правительство отчетливо осознавало утрату Россией большей части своих позиций в бассейне Тихого океана. С другой – налицо было несомненной усиление влияния Японии, что не могло не вызвать определенных опасений со стороны США и Австралии. Действительно, несмотря на наличие Англо-японского союзного договора 1902 г., который, казалось, давал гарантии безопасности в том числе и Австралийскому Союзу, на антиподах с нескрываемым опасением относились к росту военной мощи Японии и наращиванию ее экономической и политической экспансии. Для адекватной оценки расстановки политических сил в бассейне Тихого океана, сложившейся после Русско-японской войны, Петербург нуждался в получении достоверной информации об отношении к новым тихоокеанским реалиям и новому месту России в бассейне Тихого океана всех основных игроков на внешнеполитической сцене Пацифики.

Наиболее обстоятельное освещение эти вопросы получили в донесениях генерального консула России в Мельбурне в 1908-1910 гг. (реально работал в Австралии до октября 1909 г.) М.М. Геденштрома. Этот человек обладал умом исследователя и склонностью вникать в мельчайшие детали изучаемого явления. Все его донесения необычайно пространны и аналитичны. Еще до назначения в Мельбурн, будучи в 1900-1904 гг. консулом России в японском городе Хакодате, он выполнял, по сути дела, разведывательные функции. С началом Русско-японской войны М.М. Геденштром был направлен в порты Красного моря для участия в «профилактических мерах по линии МИДа» с целью обеспечить безопасный проход кораблей русской эскадры через Суэцкий канал и

Красное море на Дальний Восток [5, с. 22]. (Подробнее о М.М. Геденштроме и его работе в Австралии см. [6]).

7 апреля 1908 г., вскоре после прибытии в Мельбурн, М.М. Геденштром получил аудиенцию у премьер-министра Австралийского Союза А. Дикина. Встреча, которая видимо, планировалась, как протокольная, приобрела, однако, неформальный характер. Беседа консула и австралийского премьер-министра продолжалась два часа и носила, как пишет сам М.М. Геденштром, «исключительно политический характер» [4, с. 193]. Главной темой стало изменение международной обстановки после Русско-японской войны, новые угрозы для безопасности Австралии и, в контексте этого, изменение отношения Австралии к России и перспективы развития русско-австралийских связей. И сам факт встречи российского генерального консула и премьер-министра Австралийского Союза, и политический характер состоявшегося обмена мнениями были достаточно необычны для уровня отношений Австралии и России того времени. Все это произвело сильное впечатление на М.М. Геденштрома. «Разговор…, – писал он в донесении от 27 марта (8 апреля) 1908 г. директору Второго департамента МИД. А.К. Бентковскому, – представляется, на мой взгляд, столь интересным, что я считаю долгом довести о том до сведения Вашего превосходительства для доклада г-ну министру иностранных дел» [4, с. 193]. Консул даже пошел на определенное нарушение субординации, направив свое донесение непосредственно в Петербург: генеральные консулы должны были обращаться в Императорское российское посольство в Лондоне, которое уже само решало, что следует, а что не следует переправлять в российское министерство иностранных дел.

А. Дикин начал разговор с фактического признания разворота Австралии по отношению к России. Он не отрицал, что в годы прошедшей войны России с Японией Англия оказывала японцам поддержку, но заявил, что при этом «в Австралии даже и тогда симпатии были всецело на стороне русских». Австралийский премьер высказал убеждение, что «заблуждение относительно японцев, в котором некоторые государства находились до упомянутой войны, ныне уже рассеялось» и с большою достоверностью он может сказать, то в случае новой войны с России с Японией последняя будет предоставлена исключительно самой себе без

всякой посредственной или непосредственной помощи с чьей бы то ни было стороны» [4, с. 193]. В этом высказывании А. Дикина, с одной стороны, была доля лукавства – в годы Русско-японской войны правительство Австралии безоговорочно поддержало Англию. С другой стороны, действительно, значительная часть австралийцев симпатизировала русским. «Общераспространенное мнение и чувства вне официальных кругов ..., – пишет в этой связи видный австралийский историк Р. Уард, – были глубоко антияпонскими» [7, p. 59]. Эти симпатии, однако, могут быть объяснены не любовью к России, а соображениями расистского порядка. Настроения такого рода отчетливо просматриваются, например, в строках стихотворения выдающегося австралийского поэта Г. Лоусона, написанного во время Русско-японской войны: «Дайте же мне сделать один выстрел за русских, даже если этот выстрел станет для меня последним... Отряды русских – это отряды Белого человека!» [7, p. 60]. В любом случае М.М. Геденштром вполне справедливо расценил высказывание А. Дикина как изменение в позитивную сторону официальной позиции Австралийского Союза по отношению к России и как свидетельства роста опасений австралийцев в связи с японской экспансией.

Косвенным, но в то же время достаточно ясным свидетельством стремления австралийской стороны к установлению более взвешенных отношений с Россией М.М. Геденштром посчитал высказанное А. Дикином сожаление, что ни одна эскадра русского флота не находится в данный момент на пути в Тихий океан. В противном случае австралийский премьер «позволил бы себе пригласить ее посетить Австралию по примеру американского флота» [4, с. 194]. Возможно, это неявное приглашение русским было сделано А. Дикином всего лишь по соображениям дипломатической вежливости, но М.М. Геденштром посчитал эту идею не лишенной актуальности, ибо визит кораблей русского военного флота мог позволить России продемонстрировать свой флаг в водах Пацфики и вновь заявить о себе как о тихоокеанской державе. «Если бы поэтому г-н министр иностранных дел признал полезным появление в Австралии русского военного флота, то, мне кажется, я мог бы устроить, дабы со стороны австралийского правительства было сделано приглашение при посредстве, конечно, английского правительства», – пишет

М.М. Геденштром в своем донесении [4, с. 194]. Идея о посещении русским флотом австралийских вод возникла не на пустом месте. С начала 1908 г. в Австралийском Союзе шла подготовка к визиту в Сидней и Мельбурн кораблей военного флота США. Сам визит состоялся в конце августа – начале сентября 1908 г. в ходе большого кругосветного плавания американского флота под командованием контр-адмирала Ч. Сперри. Это плавание не только должно было продемонстрировать растущее военно-морское могущество США и наличие у них флота открытого моря, но и имело отчетливо выраженную антияпонскую направленность. США, как уже отмечалось, также были обеспокоены чрезмерным, по их мнению, усилением позиций Японии в бассейне Тихого океана. Австралийское правительство, даже не испросив предварительного согласия Великобритании, пригласило американских военных моряков посетить Австралию. Для австралийцев визит американского флота был своего рода зондажом в попытках обрести в лице США нового внешнеполитического защитника и покровителя [8, с. 163–166]. Антияпонская демонстрация, каким должен был стать и в действительности стал визит военного флота США в Австралию, в случае участия в ней также России, могла принести последней определенные дипломатические дивиденды. Предложение М.М. Геденштрома, однако, последствий не имело. У России еще не было сил для участия в подобного рода военно-дипломатических акциях.

Большой интерес у русского консула во время беседы 7 апреля с австралийским премьер-министром вызвало заявление последнего о намерении Австралийского Союза учредить постоянную армию. Для этого А. Дикин собирался провести через австралийский парламент закон о всеобщей воинской повинности[2]. Для М.М. Геденштрома антияпонская направленность военных приготовлений Австралии была очевидна. Русский консул впоследствии не раз возвращался к этой теме, акцентируя внимание на стремительном росте антияпонских настроений в Австралии. «Не только возможность, но и намерение японцев воспользоваться первым удобным случаем для военного завоевания Австралии считается здесь фактом, почти не вызывающим сомнения», – сообщал он в донесении от 28 августа (10 сентября) 1908 г. [4, с. 234]. «Страх перед японским

[2] К 1911 г. в Австралии была введена система обязательной военной подготовки для мальчиков.

нашествием здесь всеобщий, – читаем в донесении от 1(14 декабря) 1908 г., – его не скрывают даже такие авторитетные лица, как два бывшие федеральные премьер-министры Deakin и Watson (*А. Дикин и К. Уотсон – А.М.*)… Убеждение австралийцев в намерении японцев взять их страну превратило инстинктивное их отвращение к желтым расам в нескрываемую и непримиримую ненависть» [4, с. 259]. Чуть позднее не меньшее волнение в Австралии стала вызывать растущая мощь германского флота в бассейне Тихого океана, о чем М.М, Геденштром также информировал Петербург (см., например, его донесение «О настроении общественного мнения Австралии в виду военно-морских вооружений Германии» от 7(20) августа 1909 г. [4, с. 262–268]). Появление у Австралии новых векторов внешнеполитической опасности, по мысли М.М. Геденштрома, не только создает предпосылки для более ровных отношений России с Австралией, но и облегчает геополитическое положение царской империи в бассейне Тихого океана в целом. Рассуждая о формировании противоречий в Тихом океане между Японией, США, Германией и Британской империей, прежде всего, в лице ее доминионов Австралии и Новой Зеландии, М.М. Геденштром с удовлетворением констатировал: «Не имея никаких прямых интересов на месте, роль русского правительства в готовящихся здесь событиях наиболее благоприятная. Она, вероятно, будет состоять в спокойном наблюдении за тем, что взоры наших западных и дальневосточных соседей отклоняются от наших собственных границ по совсем другому направлению» [4, с. 257–258].

Разумеется, русский консул ни в коей мере не идеализировал эволюцию, имевшую место в умах австралийцев по отношению к России. «До Русско-японской войны, – писал он 28 августа (10 сентября) 1908 г. в специальном донесении о визите в Австралию флота США, – в общественном мнении Австралии, как это ни покажется невероятным, существовало убеждение, что Россия имеет виды на Австралию и страх перед нашествием русского флота еще более усиливал ту вековую ненависть, которую англичане питают к русским. После несчастной войны страх прошел, – недружелюбие осталось» [4, с. 234]. Тем не менее, по мысли русского представителя в Мельбурне, Россия может и должна развивать отношения с этим заморским доминионом Великобритании. Пока «торговый обмен между Россией и Австралией самый ничтожный, и

страна эта представляет для нас интерес почти исключительно с точки зрения политической» [4, с. 195], однако «для русского правительства интересно то положение, которое Австралия уже занимает среди государств, и, главным образом, та роль, которую она призвана играть, быть может, не в очень отдаленном, будущем, так как неминуемо она должна служить предметом соревнования» – читаем в донесениях русского представителя в Мельбурне [4, с. 248]. В этой связи консул рассуждает о перспективах обретения Австралией полного суверенитета. Пока Австралийский Союз «с точки зрения дипломатической, представляет собою лишь английскую провинцию» [4, с. 205], однако нельзя не обратить внимание на ту «фактическую независимости, которою пользуется Австралийская федерация» и на то, «насколько слабы связи, соединяющие ее с метрополией» [4, с. 248]. Законы Австралии уже нередко противоречат английским, причем в таких случаях в Лондоне, как правило, «предпочитают удовлетворять ходатайства, исходящие от Федерального правительства» Австралии. Поэтому в случае возникновения каких-либо неясностей или недоразумений в отношениях России и Австралийского Союзка М.М. Геденштром рекомендует обращаться к властям Австралии, а не метрополии [4, с. 208].

В своей практической деятельности М.М. Геденштром предпринимал усилия по активизации отношений России и Австралии в торгово-экономической области. Ко времени начала его работы генеральным консулом в Мельбурне объем русско-австралийской торговли был действительно совсем небольшим. В незначительном количестве из Австралии на русский Дальний Восток вывозилось замороженное мясо, а из России в Австралию ввозился лес. «В магазинах Мельбурна, – отмечал российский консул в донесении от 1(14) декабря 1908 г., – имеется некоторое количество русских товаров, именно мебели» [4, с. 246]. Она пользовалась хорошим спросом, и несколько ранее, в августе 1908 г., М.М. Геденштром попытался выступить посредником между австралийскими торговцами и русскими производителями мебели Ф. Мельцером и Ф. Фишером [4, с. 210–211; 9, л. 129–138об.]. В сентябре 1908 г. М.М. Геденштром направил в российский МИД информацию о возможности и целесообразности начала продаж в Австралии русских табачных изделий [4, 237–238; 9, л. 343–346об.]. Однако в российских

деловых кругах эти предложения были восприняты с равнодушием. Министерство торговли и промышленности, куда в конечном итоге попадали эти донесения, пересылало информацию о возможности коммерческой деятельности на австралийском рынке Совету съездов представителей промышленности и торговли. Однако там этой информации, как правило, не придавали должного значения. В качестве курьеза отметим, что в ответе Совета съездов представителей промышленности и торговли на письмо о возможности торговли с Австралией (март 1909 г.) министерству торговли и промышленности выражается благодарность за информацию о рынках Австрии (!) [10, л. 29]. Для развития торговли между «Австралией и Россией, – писал М.М. Геденштром, – необходимо, чтобы русские торговые люди сами приезжали сюда для изучения на месте условий рынка» [4, с. 246].

Еще одним существенным направлением развития отношений Австралии и России М.М. Геденштром считал расширение русской консульской службы в Австралии. Это было необходимо в связи с постепенным ростом на пятом континенте числа эмигрантов – выходцев из Российской империи, а также увеличением количества ходивших под русским флагом финских кораблей, которые занимались посреднической торговлей между Англией, Австралией и странами Латинской Америки. Нередко эмигранты из России и финские матросы попадали в ситуации, требующие вмешательства и защиты их интересов со стороны русских консулов. Так, М.М. Геденштром должен был заниматься урегулированием денежных проблем финского матроса А. Линдберга, который еще в 1907 г. попал в австралийских госпиталь в г. Уоллару (Южная Австралия) и умер там от дизентерии [11]. В 1908 г. русский консул организовал юридическую защиту для другого русского финна – А. Зафиридиса, замешанного в пьяной драке с поножовщиной [12, 13].

Усилия М.М. Геденштрома по расширению русского консульского представительства в Австралии привели к тому, что помимо уже имевшихся штатного генерального консула в Мельбурне и нештатного консула в Сиднее, русские нештатные консулы появились в Аделаиде и Брисбене, а в Мельбурн в помощь М.М. Геденштрому был назначен нештатный вице-консул [14, с. 44; 15, с. 44].

Немало сделал Российский генеральный консул в Мельбурне и для развития российско-австралийских контактов в области науки. Так, в 1908 г. он содействовал в приобретении этнографических экспонатов приват-доценту Санкт-Петербургского университета В.В. Святловскому, который был отправлен в командировку на острова Океании, в Новую Зеландию и Австралию Петербургской Академией наук. Собранные им коллекции сейчас хранятся в Музее антропологии и этнографии (Кунсткамере) РАН [16, с. 127, 136–137]. Усилия М.М. Геденштрома на поприще поддержки науки были оценены в России. За «значительные услуги Музею по пополнению его коллекций», он был избран корреспондентом Музея антропологии и этнографии [17, л. 402].

В заключение отметим, что в своих оценках М.М. Геденштром не только сумел увидеть и верно оценить изменения в отношении Австралийского Союза к России, но и правильно предсказал вектор дальнейшего развития связей двух стран. С начала второго десятилетия XX в. отношения России и Австралии развивались по восходящей. Этому во многом способствовала практическая деятельность как самого консула М.М. Геденштрома, так и его преемника генерального консула в Мельбурне А.Н. Абазы. Союзничество России и Австралии в годы Первой мировой войны стало новым фактором роста симпатий австралийцев к России. Однако эти позитивные тенденции оказались кратковременными. Революционные события 1917 г. в далекой северной стране вновь ухудшили отношение австралийцев к России и свели практически к нулю начавшие было успешно развиваться российско-австралийские связи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Массов А.Я. О реальности «русской угрозы» пятому континенту во второй половине XIX – начале XX вв. // Новый часовой. 1999. № 8–9. С.126-136.

2. Craig G.C. The Federal Defence of Australasia. Sydney: George Robertson, 1897. 356 p.

3. Australia and the World. A Documentary History from the 1870s to the 1970. Ed. by N. Meaney. Melbourne: Longman Cheshire, 1985. 806 p.

4. Российская консульская служба в Австралии, 1857–1917 гг. (Сборник документов). Сост. и авт. ввод. ст. и коммент. А.Я. Массов и М. Поллард. М.: Международные отношения, 2014. 352 с.

5. Павлов Д.Б. Российская контрразведка в годы русско-японской войны // Отечественная история. 1996. № 1. С. 14–29.

6. Олтаржевский В.П. Российская консульская служба начала XX века: Матвей Геденштром // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2012. № 4(63). С. 318–323.
7. Ward R. A Nation for a Continent. The History of Australia 1901–1975. Richmond Heinemann, 1977. 515 p.
8. Грудзинский В.В. На повороте судьбы. Великая Британия и имперский федерализм (последняя треть XIX – первая четверть XX вв.). Челябинск: Челябинский гос. ун-т, 1996. 310 с.
9. Архив внешней политики Российской империи. Ф.155 (II Департамент, I–5). Оп. 408. Д. 484.
10. Российский государственный исторический архив. Ф. 23. Оп. 25. Д. 88.
11. Deaths at Hospitals // The Advertiser. 7.08.1908. P.9.
12. Zaphiridis Sentenced. Twelve Months' Imprisonment // The Advertiser. 8.06.1908. P. 8.
13. The Case of Zaphiridis // The Register. 17.06.1908. p. 4.
14. Ежегодник министерства иностранных дел России, 1909. СПб.: Типография Тренке и Фюсно, 1909. 297 с.
15. Ежегодник министерства иностранных дел России, 1911. СПб.: Типография Тренке и Фюсно, 1911. 311 с.
16. Розина Л.Г. В.В. Святловский – собиратель коллекций из Океании // Сборник Музея антропологии и этнографии (Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая). Т.30. Л., 1974. С. 127–139.
17. Санкт-Петербургский филиал архива Академии наук. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 155.

MASSOV, Alexander Ya. – St. Petersburg State Marine Technical University. 190008, Lotsmanskaya str., 3, St. Petersburg, Russia. E-mail amassov@gmail.com.

RUSSIAN CONSUL GENERAL IN MELBOURNE M.M. HEDENSTROM CONCERNING THE CHANGING IN AUSTRALIA'S PERCEPTIONS OF RUSSIA AND POSSIBLE DEVELOPMENT OF RUSSIAN-AUSTRALIAN RELATIONS.

The article analyzes the reports of the Russian Consul General in Melbourne in 1908-1910 M.M. Hedenstrom with an assessment of the foreign policy situation in which the Commonwealth of Australia found itself after the Russian-Japanese war. According to M.M. Hedenstrom, the new geopolitical reality in the Pacific produces conditions to overcome the typical for the second half of the XIX century negative attitude of Australia and the Australians towards Russia. It is noted that the Consul was able not only to see the beginning of evolution in Russian-Australian relations, but also correctly to forecast the vector of further development of two countries' mutual contacts.

RUSSIAN-AUSTRALIAN RELATIONS; M.M. HEDENSTROM; A. DEAKIN; INTERNATIONAL RELATIONS IN THE PACIFIC.